

Г.Н. Канинская

Формирование образа России по страницам журнала «Экономист» (2004–2008)

Аннотации. В статье анализируются темы, понятия и суждения, с которыми в английской прессе на примере журнала «Экономист» ассоциировалась Россия в годы второго президентского срока В.В. Путина (2004–2008).

Abstract. The paper examines the topics, interpretations and assessments of Russia during the second term of V.V. Putin's presidency (2004–2008), published by the British journal «The Economist».

Ключевые слова: пресса, стереотип, В.В. Путин, политический режим, война в Чечне, олигархи, «дело М. Ходорковского», «дело Литвиненко».

Keywords: mass-media, stereotype, V.V. Putin, political regime, Chechen's war, oligarchies, M. Khodorkovsky, A. Litvinenko.

Во время второго президентского срока В.В. Путина (2004–2008) в освещении российских событий в западной прессе произошел заметный поворот. Антикоммунистическая революция 1991 г., крушение партийного государства, отказ от монополии коммунистической идеологии вызвали на Западе благоприятный отклик, граничивший с эйфорией. Хотя эйфория быстро выветрилась, в целом, несмотря на критическое отношение к разгулу криминального насилия и политическому хаосу, к криминальным формам приватизации и коррупционному обогащению, при живописании мрачных картин войн на Северном Кавказе и т.д., господствовало

выжидательно-благожелательное отношение к постсоветской России.

Влиятельные круги на Западе через СМИ выражали надежду, что Россия делается «нормальной», по европейским меркам, страной с правовым государством, разделением властей и открытостью политического процесса. В период с 2004 по 2008 г. эти надежды стали исчезать, а общий тон сменился на настороженно-критический. Негативная информация резко сосредоточилась на фигуре президента Российской Федерации, личность и действия которого всё в большей мере стали отождествляться с обликом страны и ее историческим наследием.

Что привело к столь неблагоприятному для России повороту общественного мнения в странах Западной Европы? Об этом можно судить, в частности, по публикациям в лондонском еженедельнике «Экономист», влиятельном на Западе журнале, издающемся одновременно в шести странах тиражом в 1,5 млн экз., из которых половина расходуется в Северной Америке.

Примечательно, что в 2006 г. в «рейтинге русофобии» иностранных СМИ, проведенном компанией «E-generator» на основе анализа статей 22 периодических изданий (в том числе из США, Франции, Канады, Японии, Эстонии, Литвы и др.), посвященных председательству России в «большой восьмерке», «Экономист» оказался в середине – на 12-м месте. А среди британских изданий, названных в этом рейтинге, журнал оценивается как уступающий в «русофобии» «Файнэншл таймс» и превосходящий «Гардиан» (1).

Одно из центральных мест «Экономист» уделяет «фактору Путина» (2, с. 65). Редакция рассуждает о президенте РФ, исходя из общего контекста представлений о российских лидерах на Западе и усматривая некую цикличность в восприятии. В частности, говорится: «Западные мнения о российских лидерах превратились в предсказуемый цикл на десятилетие. Сначала – надежда: с новым человеком в Кремле, может быть, будет проще иметь дело, и он сумеет сделать свою страну хорошим соседом. Затем – разочарование: первоначальные ожидания не оправдываются, и положение вещей не меняется. Наконец, приходит страх: этот человек оказывается либо “отвратительным”, либо “неэффективным”. В этом случае

проступают наружу все темные стороны. Когда приходит новый человек, надежда появляется снова» (2, с. 19).

Наибольший интерес к личности В.В. Путина наблюдался в годы президентских выборов. Вначале журналисты отзывались о главе Российского государства скорее нейтрально, тогда как к концу второго президентства, особенно в связи с возрастанием напряженности на международной арене в целом и в отношениях с Великобританией в частности, в статьях стало доминировать негативное восприятие личности В.В. Путина.

Корреспондент журнала в Москве Г. Личфилд писал: «Предполагалось, что преемник Ельцина будет продолжать его политику, останется скованным могущественными олигархами, мятежными региональными губернаторами, коррумпированными чиновниками и ворчливым парламентом, о который спотыкался его предшественник». Но эти прогнозы не оправдались, ибо «большая часть из того, что сделал Путин во время своего первого срока, была направлена на ликвидацию наследия Ельцина» (18, с. 91).

Признавались достижения первого президентства В.В. Путина: «Россияне восхищаются его молодостью, умеренностью, стальной сдержанностью и любовью к порядку. Многие находят, что их собственная жизнь стала лучше и спокойнее. Иностранные инвесторы, которые убежали после правительственного дефолта и экономического краха в 1998 г., потянулись обратно. Они восхваляют стабильность экономики, устойчивый рост потребительского рынка, энергию и воображение предпринимателей. Их устраивает, что президент и его экономические реформаторы хотят покончить с искажениями как эпохи советского социализма, так и постсоветской раннекапиталистической поры, времени золотой лихорадки, и создать землю, на которой может процветать свободный рынок» (18, с. 92).

В то же время звучат опасения относительно перспектив: «И российские, и западные политические либералы смотрят на Россию с нарастающим комом страха в желудке. Они видят авторитарного лидера, который подавил СМИ и свободу слова, насадил бывших секретных агентов и военных повсюду в правительстве и превратил обе палаты парламента в аппарат по раздаче клише и штампов. Явно, что он поощряет всплеск национализма и разрешил раздираемой конфликтом Республике Чечне стать очагом

бандитизма и убийств, показал свой вкус к власти и неприязнь к бизнесу преследованием Михаила Ходорковского, самого богатого человека России. "Реформы" его в лучшем случае неэффективны, в худшем – фарс» (18, с. 92).

Личфилд называет российского президента «человек-зеркало»: «Путин перенимает идеи и даже речь своего собеседника, что добавляет неразберихи. И армейские генералы, и активисты правозащитных движений выходят от него одинаково уверенные, что он на их стороне... Он поддерживает баланс в правительстве, провоцируя бесконечные дебаты о том, кому он благоволит и кем он является на самом деле – хозяином марионеток или марионеткой. Он также хорош в перекалывании вины на своих чиновников, поэтому остается чрезвычайно популярным, даже если его политика таковой не является» (18).

Мысль о непредсказуемости российского президента содержится и в других статьях «Экономиста». Отмечаются, в частности, его «дар опровергать прогнозы» и «стремление удивлять» (48). Красноречивы заголовки некоторых публикаций: «Влад непредсказуемый», «Загадка сфинкса» (63). «Грюкачеством, заимствованным от царей старых времен», объясняли корреспонденты высокий рейтинг доверия В.В. Путину в России (27).

Авторы статьи «Влад непредсказуемый» описывали главу Российского государства, «сурово выглядящим», говорящим с необычной строгостью (25). «Государственное телевидение, – подчеркивалось в этой связи, – часто показывает Путина, строго отчитывающего несчастных чиновников то за одну неудачу, то за другую» (24). Корреспонденты говорят об «огромной власти, сосредоточенной в руках В.В. Путина» (62).

Вместе с тем политический курс президента представлялся вполне определенным: «Он хочет, чтобы Россия была сильной страной: экономически могущественной, политически стабильной и признанной на международном уровне» (38). Или, говорит Личфилд: «Он хочет, чтобы Россия была глобальной державой и экономическим тигром, но также управляемой монолитной страной, в которой реформы приветствуются, а оппозиции не существует» (18).

Типична эксплуатация «образа царя». Применительно к способам передачи власти в России говорится, что «понятие царя» пережило Советский Союз (43). Личфилд напоминает, например, ут-

верждение Екатерины II о необходимости самодержавного правления для России и вреде и губительности любой другой формы правления (18). Неизменным оказывается штамп, что В.В. Путин поступает «подобно царю». В статье под названием «Владимир III» президент был изображен в образе царя на троне (49). Этот имидж особенно часто воспроизводился в связи с событиями «оранжевой революции» на Украине (2004).

Другой штамп – упоминания о службе в КГБ. Путина часто называют «шпионом», «бывшим шпионом». С этим амплуа связывают, как характерную черту президентского стиля руководства, «непрозрачность». Особенно остро эта тема звучала при освещении «дела Литвиненко».

Личфилд подчеркивает связь между службой В.В. Путина в органах безопасности и кадровой политикой: «Его прошлая биография в качестве агента КГБ среднего уровня в Восточной Германии с последующим после 1991 г. пребыванием в качестве заместителя мэра Санкт-Петербурга, где он был ответственным за внешние отношения и экономическое развитие города, отражается на его политике: он имеет привычку доверять своим ближайшим товарищам – силовикам, людям из служб безопасности» (18).

В другом номере журнала говорится: «Подавление независимого телевидения и большинства независимых газет, травля “олигархов”, которые перешли ему дорогу, и способ проведения выборов – все свидетельствует об инстинктах слежки, которые характерны для бывшего офицера КГБ» (55). Журналисты неоднократно подчеркивали нетерпимость В.В. Путина к критике как у себя дома, так и за рубежом. Хотя журналисты «Экономиста» понимают стремление президента России упрочить порядок в стране, они не одобряют употребляемые способы (ограничение свободы СМИ, устранение оппозиции, жесткая централизация власти). При этом они отмечали, что «с момента своего появления в качестве президента России В.В. Путин сбивал с толку аналитику» (44).

Пытаясь понять, «кто такой Путин», журналисты сравнивали период его правления с «брежневской эрой, проводя параллель между «путинским манипулированием кремлевскими кланами и брежневским управлением Политбюро» (42).

А выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности в феврале 2007 г. вызывало ана-

логию с Н.С. Хрущевым. «Еще в 1960 г. Никита Хрущев стучал кулаком, а затем ботинком по столу, выступая на сессии Организации Объединенных Наций, так сильно, что его часы остановились. Это не было спонтанной истерикой. "Мы являемся сверхдержавой, с которой необходимо считаться, – был его посыл, – и мы не будем играть по вашим правилам". Главы государств оценили тираду Владимира Путина против Америки, НАТО, Европейского союза и... обнаружили, что в России время продвинулось ненамного вперед» (42).

Цитировали мнение Егора Гайдара, сопоставлявшего Россию с Веймарской Германией. «Веймарский» период эпохи Ельцина сменился авторитаризмом и «имперской ностальгией» при Путине (42). Приводилось высказывание Л.Ф. Шевцовой. «Самоуверенный политический класс» времен Путина, по ее словам, не мыслит в категориях империи, но «занят возрождением российского статуса сверхдержавы». Это «бюрократический авторитаризм» (42).

Тему авторитаризма продолжает параллель с «Венесуэльской моделью», когда «государство, вмешиваясь в энергетику, дестабилизирует экономику» (42). Тем не менее редакторы журнала поместили мнение анонимного политолога, названного «дружественным Кремлю», который «оценивает Путина как "консервативного Шарля де Голля", либерального в сфере экономики, но решительно выступающего за независимость во внешней политике» (42).

С обострением отношений между Россией и Западом к концу второго президентского срока Путина критика российского президента становилась все более жесткой, что находило в журнале свое объяснение. «В первые годы правления Путина западные оптимисты, осознавая, что стабильность и процветание не всегда автоматически идут рука об руку со свободой и демократией, давали ему фору, несмотря на свои сомнения по таким вопросам, как война в Чечне или обуздание СМИ. Но со временем становилось все яснее, что Россия движется в неправильном направлении» (38).

Когда же Путин совершил поворот «не в ту сторону»? Одни обозреватели датировали «поворот» «делом ЮКОСа», которое началось в 2003 г.; другие связывали его с захватом школы в Беслане в сентябре 2004 г.; третьи указывали на украинскую «оранжевую революцию» в конце 2004 г. (53).

Уголовное преследование руководства ЮКОСа и арест ее владельца М.Б. Ходорковского получили громкий международный резонанс. «Экономист» освещал весь ход уголовного расследования, статьи выходили регулярно во время суда и исполнения его решения. Наибольшее их количество приходится на 2003–2005 гг., а пик интереса к «делу» наблюдается в 2004 г., когда больше половины всех статей по экономической тематике были посвящены ЮКОСу. В мае 2005 г. вышел специальный репортаж, посвященный «делу Ходорковского», в котором журналисты попытались подвести итог «саге о ЮКОСе», или «саге о Михаиле Ходорковском» (19).

Главные сюжетные линии этой «саги» прописываются по четырем направлениям: 1) взаимоотношения российской власти и крупного бизнеса; 2) основные причины уголовного преследования ЮКОСа; 3) разоблачение предвзятости суда; 4) значение «дела ЮКОСа» для российской экономики и страны в целом. Заголовки статей говорят сами за себя: «Российские олигархические войны», «Путин против олигархов» или «ЮКОС, Путин и олигархи». В одной из статей журнал кратко пояснял своим читателям, кто такие олигархи, и напоминал историю происхождения их богатства (46).

Период 1990-х годов журналисты называли «посткоммунистическим хаосом», «дикими днями», говорили о «доставшихся нечестным путем деньгах» и «темных сделках». Большое внимание уделялось приватизации, которая сопровождалась эпитетами: «сомнительная», «подозрительная», «нечестная», «испорченная», «подстроенная». Именно на «баснословно богатых бизнесменов» редакция журнала возлагала ответственность за «извращенную природу российского капитализма» и «разочарование в реформах» (64). Огромным обогащением небольшого числа приближенных к Кремлю, в то время как большинство граждан боролись с бедностью, журналисты «Экономиста» объясняли, почему для многих россиян демократия и свободный рынок ассоциируются с коррупцией и несправедливостью (20).

Не оправдывая олигархов, «Экономист» все же выделял среди них с положительной стороны М.Б. Ходорковского. Напоминая, что владелец компании ЮКОС ничем не отличался от других предпринимателей и участвовал в приватизации 1990-х годов подобно другим, журналисты тем не менее подчеркивают, что предприниматель происходил из скромной семьи и обладал двумя пре-

имуществами: «научным прошлым, а потому был менее подвержен, чем другие, советской идеологической обработке», а также тем, что, будучи «аппаратчиком в Коммунистическом союзе молодежи, он имел могущественных друзей» (6).

Ходорковского называют самым «прозападным» олигархом и отмечают, что он стал самым богатым человеком России в 30 лет. «Его карьера: от ничего к миллионам, а затем к тюрьме, напоминает классическую трагедию... Он не вел роскошную жизнь, не покупал яхт и футбольных клубов, предпочитая в выходные дни заниматься туризмом, а не устраивать оргии на юге Франции» (26). Его сподвижники из ЮКОСа тратили часть своей прибыли на детские дома, университеты, аналитические центры.

Ходорковского неоднократно сравнивали с другим, хорошо известным в Великобритании российским олигархом – Р.А. Абрамовичем. Отношение к последнему было резко отрицательным, журналисты часто напоминали своим читателям о покупке им футбольного клуба «Челси» и роскошных яхт. По поводу Абрамовича журналисты постоянно использовали остроты и шутки (40), чего не было в отношении Ходорковского.

В корреспонденциях о Ходорковском «Экономист» снова поднимает тему цикличности политической жизни в России: вся его «сногшибательная карьера олицетворяет постсоветскую историю России: сначала новые возможности, коррупция и хаос времен Ельцина, затем – разочарования и реваншизм времени президентства Путина, наконец – неопределенность в отношении будущего» (54). Редакторы подводили читателя к вопросу: почему ЮКОС стал мишенью Кремля? При этом на первое место ставилась политика.

Журналисты утверждали, что «конфронтация по вопросу о том, кто сменит Путина, между двумя могущественными группами, представленными, с одной стороны, доверенными людьми из служб безопасности, а с другой – ведущими российскими бизнесменами из команды Ельцина, неизбежна» (25). На страницах «Экономиста» неоднократно всплывала версия неофициального соглашения между Путиным и олигархами, заключенного в 2000 г., согласно которому стороны договорились, что «он (В.В. Путин. – *Авт.*) не будет заострять внимание на проблеме доставшихся нечестным путем денег, если они (олигархи. – *Авт.*) станут “чистыми” и будут находиться вне политики» (18; 25).

Но Ходорковский «переступил черту», продемонстрировав свои личные амбиции, и решил включиться в российскую политику, начав финансировать оппозиционные политические партии «Яблоко», Союз правых сил, а также КПРФ (47). С учетом «царских амбиций» В.В. Путина, как считают журналисты «Экономиста», весьма логичным был ответ президента: ему «было политически целесообразно вздернуть какого-либо одного олигарха на фонарном столбе. А так как Ходорковский был очень богат, то расправа с ним выглядела особенно показательной» (17).

Среди разногласий между Путиным и Ходорковским отмечались обвинения последним государственных компаний в коррупции на встрече с президентом в 2003 г., споры вокруг строительства частных трубопроводов, законопроект, предусматривающий налог на энергоносители (54). Большое внимание на страницах журнала уделялось тому, как происходил процесс продажи в 2004 г. компании «Юганскнефтегаз», которая, по мнению редакции, была фактически «национализирована». Распродажу активов этого дочернего предприятия ЮКОСа называли «фальсифицированным аукционом», «классической русской комбинацией», «сюрреалистической сделкой» (50; 54). Авторы публикаций не преминули тем не менее отметить, что «государство забрало актив Ходорковского способом, похожим на тот, которым он сам приобрел свое богатство» (51), и что «национализация ЮКОСа, если бы она была сделана по правилам, исправила бы ошибки, допущенные при приватизации 1990-х годов» (64).

«Экономист» писал о намерении президента «вырвать политическую власть у олигархов и установить то, что он называет "диктатурой закона"» (50). При этом «он явно хочет, чтобы Россия процветала, и понимает необходимость инвестиций и экономической реформы». Поэтому чем более «он ужесточает давление государства на средства массовой информации и политические институты, тем более некоторые оптимисты склонны видеть в нем благодетельного диктатора, который может в короткие сроки обеспечить процветание» (64).

Сотрудники журнала искали прецеденты в русской истории: «Русские цари часто изгоняли нелояльных аристократов, которые процветали при предыдущем правителе, и отнимали у них собственность» (6). Сам процесс над Ходорковским стал поводом для

критики всей судебной системы России. Красочно описывались «ночные аресты, вопиющая демонстрация силы со стороны органов власти, вооруженные рейды на благотворительные учреждения ЮКОСа, ограничение доступа подсудимых к их адвокатам, отказ от освобождения под залог, преследование свидетелей» (47). Обычными были рассуждения о «произвольном использовании законов» и «открытой манипуляции законом» (29). Президента уличали «в притворстве», в использовании закона «в качестве политического инструмента» (24). Делался вывод о том, что «сам суд есть инструмент Кремля» (54).

«Дело ЮКОСа», доказывал журнал, «разрушило правление олигархов, но привело к слиянию политической и экономической власти в руках Кремля» (13), в итоге оно «оказало пагубное влияние на имидж России» в Европе, а также за ее пределами (7). «Если появление ЮКОСа олицетворяло переход России от плановой экономики к дикому капитализму 1990-х годов, который при всех своих крайностях процветал на частной инициативе, то его разрушение стало поворотным пунктом к авторитарному и корпоративному государству», – утверждали корреспонденты (55).

Воплощение такого государства «Экономист» видит в ОАО «Газпром», сопровождая информацию о нем эпитетами: «газовый гигант», «монстр», «бегемот», «Левиафан», «темная империя», «энергетическая загадка» (6; 14). Журнал волновал не только сам факт укрепления государственной собственности в РФ, но и то, как это отразится на поведении России в мире. «Как Газпром будет вести себя в будущем, станет ключевым испытанием для российского стремления и способности превратить себя во что-то, напоминающее нормальную страну», – заключали авторы статьи (38).

Обстановка на Северном Кавказе и проводимая там политика в оценках «Экономиста» могли убедить читателей в том, что России еще далеко до «нормализации». Безусловно, британские журналисты сопереживали вместе с гражданами России трагедии Беслана, с негодованием комментировали другие террористические акты. «Экономист» поместил обращение президента 4 сентября 2004 г., где утверждалось, что Россия имеет дело с «тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников» (цит. по: 4).

Однако редакторский коллектив отверг утверждение главы государства о том, что Россия столкнулась с международным терроризмом. Как писали авторы статей, «волна атак во многом является результатом внутривоссийского конфликта», и напрасно представлять теракты в России аналогом 11 сентября в США (4).

Более того, российское руководство подверглось критике в связи с трагедией в Беслане. «Экономист» называл три причины, по которым Россия и лично Путин несут ответственность за события: «Во-первых, жестокость и беспредел русских сил безопасности, которые убивают, похищают и пытаются людей в Чечне и по всему региону, разжигая месть. Во-вторых, коррупция, которая губит Кавказ больше, чем остальную Россию, и для противодействия которой мало что было сделано руководством страны. В-третьих, кремлевский подход к региональной власти на Северном Кавказе, основанный на поддержке послушных, но непопулярных руководителей» (3; 8).

Журналисты полагали, что трагедия в Беслане была использована главой государства, с тем чтобы «усмирить» региональных лидеров и отменить выборы губернаторов. Очередной после Беслала номер журнала вышел под заголовком: «Кремлевский контроль, выходящий за рамки обычного» (4). Часто проводилась мысль о том, что «судьбы Чечни и Путина давно переплелись» и что «Чечня помогла Путину сделаться президентом России» (30, с. 69–70).

При этом «Экономист» никогда не поддерживал идею предоставления независимости Чечне как способа решения проблемы. Журнал настаивает на том, что «Чечня до сих пор нуждается в России», и призывает западных лидеров «посочувствовать и предложить помощь русским как жертвам терроризма», подключиться «к обучению российских сил безопасности», но ни в коем случае не мириться «со злоупотреблениями в области прав человека в Чечне», а главное – «продолжать говорить правду» (10).

В описании взаимоотношений РФ с ее ближайшими соседями из числа бывших республик СССР «Экономист» приоритетное внимание уделял Украине и Грузии, переживавшим «цветные революции». Журнал с самого начала президентской кампании в Украине 2004 г. постоянно повторял, что «вмешательство В.В. Путина в украинские выборы было одной из самых больших ошибок российского президента» (59). На обложке одного из номеров «Эконо-

миста» была помещена фотография президента России в боксерских перчатках. «Прагматик, который выбирает только те сражения, которые он может выиграть, или скорбящий националист, сконцентрированный на донкихотской погоне за потерянной российской империей?» – задавались вопросом журналисты. Их ответ: «На протяжении большей части своего первого срока на посту президента России Владимир Путин, казалось, относится к первым. Но после его грубой поддержки проигравшего кандидата на бурных украинских выборах Путин выглядит плохо информированным дилетантом и просто опасным» (49).

«Неоимперские амбиции» России и ее президента – постоянная тема в журнале. Входившие в состав Советского Союза страны называются «доминионами», «вассалами», «сателлитами», «колониями». Так, этим объясняется политика России в ближнем зарубежье. «На взгляд Путина, российская “сфера влияния” уже сократилась с потерей Грузии. Это чувство обиды помогает понять российскую поддержку сомнительных сепаратистских режимов в Южной Осетии и Абхазии» (60).

Вмешательство в украинские дела объяснялось «частично российскими бизнес-интересами на Украине, частично наличием российской военно-морской базы в Крыму и беспокойством относительно ее будущего в случае, если Украина присоединится к НАТО, но главным образом постсоветскими невротами» (57). Уже в тогдашних репортажах журналисты писали, что «улицы Киева изобиловали слухами о находящихся поблизости российских войсках» (61). Упоминалось и о том, что «для русских державников потеря влияния над находящейся под рукой Украиной с многочисленным русским этническим населением и славянским наследием означала бы, что Россия лишается всех претензий на величие» (58).

Журналу были в какой-то мере понятны настроения рядовых российских граждан в связи с украинскими событиями. «Многие россияне чувствуют себя униженными в связи с ослаблением статуса страны со времени развала Советского Союза», – говорилось в одном из номеров (61). «Правда в том, – утверждали авторы другой статьи, – что многие граждане РФ не могли смириться с самим понятием украинской независимости. Русские часто смотрят на Украину, как англичане на Шотландию: для них это естественная часть собственного домена. Русскоговорящая Восточная Украина

была центром угольной и сталелитейной промышленности Советского Союза. Современная Россия выросла из Киевской Руси. Крым был частью России вплоть до 1954 г., когда Хрущев по собственной прихоти передал его Украине. Неудивительно, что не только члены правительства Владимира Путина в Москве, но и многие простые россияне злятся, что действия России оцениваются на Украине как «зарубежное вмешательство» (39).

Во время описываемых событий британцы, в отличие от многих других европейцев, признавали законность российских интересов на просторах СНГ. Это, как справедливо отмечает А.А. Громыко, объясняется общностью имперского прошлого (2, с. 78). Несмотря на критику действий российского правительства, «Экономист» признавал, что «украинские связи с Россией – культурные, религиозные, исторические и лингвистические – слишком глубоки, чтобы они могли быть мгновенно разорваны» (39).

Вместе с тем журналисты видели в украинских событиях вызов для режима, ибо «успешная, ориентированная на Запад Украина при демократическом правительстве приободрила бы российских либералов, горько разочарованных авторитарным и нелиберальным правлением Путина» (36).

Отношения РФ со странами «ближнего зарубежья» оказывались в контексте глобальной мировой политики. «В ходе “оранжевой революции” на Украине произошла самая крупная ссора между Россией и Западом с момента распада Советского Союза. Особое беспокойство у России вызывает расширение НАТО на Восток с перспективой возможного вступления в Североатлантический союз Украины, что автоматически затрагивает вопрос о будущем Черноморского флота РФ, базирующегося в Севастополе» (58).

При этом подчеркивалась связь внешней политики России с внутриполитической ситуацией: «Россия убедила большинство сомневающихся, что ее краткий флирт с либеральной демократией закончился. Постепенное удушение политических свобод, война в Чечне, волна терроризма и неспособность оппозиции предложить нечто лучшее, погрузили население в апатию. Вновь пробудился призрак геополитики советской эпохи. Это не холодная война, в которой Кремль стремился к мировому господству, но холодный мир, в котором Россия будет иметь дело с Западом» (11).

Все же журнал уверял: «Угроза, которую Россия представляет для остальной части мира, преувеличена. Она не является экспортером несуществующей идеологии, не ведет тайной войны с Америкой, как это было во времена холодной войны» (17). «Современная Россия не имеет ни экономической или военной мощи старой империи, ни ее идеологии» (44). В то же время журнал считал аналогией холодной войны поучительной: «Даже когда Запад и Советский Союз готовились уничтожить друг друга, они заключали сделки и торговали энергоресурсами. То же самое сочетание осуждения и реальной политики необходимо в отношениях с Россией и сейчас» (12).

Эта тема вновь стала звучать при освещении на страницах «Экономиста» российско-грузинских отношений. Журналисты обвиняли российское руководство в поддержке «повстанческих сил в Южной Осетии и Абхазии», утверждая, что таким образом «Россия бесчестит себя и дестабилизирует положение в соседних странах» (12). При этом не подвергалась сомнению справедливость претензий России на возвращение себе статуса великой державы. «После унижительного лишения ранга мировой державы Россия упорно работает, чтобы вернуть себе уважение и авторитет. Это справедливая, даже похвальная цель. Но чтобы достигнуть ее, Россия должна уважать другие страны, в том числе и те, которые когда-то управлялись из Москвы. Она больше преуспеет на этом поприще, окружив себя дружественными, уверенными в себе странами, а не слабыми и разбитыми» (45).

Такие понятия, как «ненависть», «гнев», «мстительность» в оценке действий России по отношению к Грузии, вписывались в общий негативный фон представлений о России. Еще одним существенным дополнением стало «дело Литвиненко». Оно вызвало невиданную по масштабам антироссийскую и антипутинскую газетную кампанию в Великобритании. Первая статья «Экономиста» на эту тему вышла, когда Литвиненко еще был жив. Затем стали регулярно выдвигаться различные версии его смерти, в том числе «миниатюрный акт ядерного терроризма на улицах Лондона» (35). Возродились старые стереотипы: «Сегодняшняя Россия – не Советский Союз и, несмотря на их общий личный состав, ФСБ – не КГБ. Но при Путине силовикам дано гораздо больше власти, чем пред-

ставляют себе россияне, думающие, что возврат к старому невозможен» (41).

«Хотя не ясно, “заказал” ли Кремль убийство, само это обстоятельство говорит о внутреннем состоянии России с выхолощенным парламентом, с телевидением под контролем государства, с прессой в наморднике и когда-то автономными регионами, которые сейчас скованы. Все чаще Кремль сам решает, кто должен руководить российским бизнесом и финансами. Подобный авторитаризм, использование энергоресурсов в качестве силового фактора – отчасти свидетельство слабости. Российская армия в упадке, население страны сокращается, а ее экономика в опасной степени зависит от природных ресурсов. Вот почему Путин так стремится сохранить жесткий контроль над властью в стране, а также лидерство России не только в Совете Безопасности ООН, но и в клубе богатых стран G8» (62).

Журналисты «Экономиста» считали «дело Литвиненко» «одним из признаков того, что надежды, питаемые на Западе в отношении Путина в момент его вступления в должность и первых заявлений о том, что Россия вполне может стать “нормальной” страной, были напрасны» (62). Россия при Путине заимствовала «советскую привычку» искать «иностранных агентов как козлов отпущения для оправдания внутренней политики» в надежде, что «иностранный угроза, даже мнимая, поможет сохранить податливый электорат» (38).

Список литературы

1. Белоусов К. «Дело Литвиненко»: Страх, который мы внушаем Европе // Исследовательский центр E-generator. – Режим доступа: <http://www.e-generator.ru/?do=EGen:News&id=11160> (Дата обращения – 10.12.2013).
2. Громыко А.А. Образы России и Великобритании: Реальность и предвзвешенные суждения. – М.: Ин-т Европы РАН, 2008. – 96 с.
3. After Beslan: Russia's horror // The Economist. – L., 2004. – 21 October. – P. 9.
4. Beslan and after: Terror's new depths // The Economist. – L., 2004. – 9 September. – P. 20.
5. Beslan one year on: Parental grief // The Economist. – L., 2005. – 1 September. – P. 24.

6. Business in Russia: After Yukos // *The Economist*. – L., 2007. – 10 May. – P. 80.
7. Business in Russia: The last days of Yukos // *The Economist*. – L., 2004. – 29 July. – P. 76.
8. Chechnya: A thug in charge // *The Economist*. – L., 2006. – 11 March. – P. 70.
9. Chechnya and the north Caucasus: And they call it peace // *The Economist*. – L., 2008. – 28 February. – P. 62.
10. Chechnya: Still calling for help // *The Economist*. – L., 2005. – 13 January. – P. 80–82.
11. Colour revolutions in the former Soviet Union: A bit faded but still bright enough // *The Economist*. – L., 2008. – 10 January. – P. 11.
12. Former Soviet war zones: The hazards of a long, hard freeze // *The Economist*. – L., 2004. – 19 August. – P. 65.
13. Gazprom: Laughing gas // *The Economist*. – L., 2005. – 2 June. – P. 107.
14. Gazprom: Russia's energetic enigma // *The Economist*. – L., 2005. – 6 October. – P. 148.
15. Georgia and Russia: The mouse that roared // *The Economist*. – L., 2006. – 5 October. – P. 77.
16. Georgia, Ukraine and NATO: Surrounding Russia // *The Economist*. – L., 2006. – 15 April. – P. 27.
17. High jinks in Russia: With friends like these // *The Economist*. – L., 2006. – 26 January. – P. 65.
18. Lichfield G. A Survey of Russia: Taming the robber barons // *The Economist*. – L., 2004. – 20 May. – P. 91–92.
19. Putin versus Khodorkovsky: «Justice» postponed // *The Economist*. – L., 2005. – 28 April. – P. 74.
20. Putin versus the oligarchs: The future of Russian business // *The Economist*. – L., 2004. – 5 August. – P. 85–87.
21. Radioactive toxins: Choose your poison // *The Economist*. – L., 2006. – 13 December. – P. 26.
22. Russia: A matter of Russian honour // *The Economist*. – L., 2004. – 19 August. – P. 13–14.
23. Russia: Bleak house // *The Economist*. – L., 2005. – 13 June. – P. 96.
24. Russia: Playng politics from prison // *The Economist*. – L., 2004. – 15 April. – P. 34.
25. Russia: Power struggle in the Kremlin // *The Economist*. – L., 2003. – 10 July. – P. 90.
26. Russia: Richer, bolder – and sliding back // *The Economist*. – L., 2006. – 13 July. – P. 23.

27. Russia: The hollowing out politics // The Economist. – L., 2007. – 22 February. – P. 67.
28. Russia: The hardest word // The Economist. – L., 2006. – 12 October. – P. 67.
29. Russia: Vlad the impaler // The Economist. – L., 2003. – 30 October. – P. 87.
30. Russia after Beslan: The Kremlin's control freak // The Economist. – L., 2004. – 16 September. – P. 69-70.
31. Russia and the Caucasus: Try being tender as well as tough // The Economist. – L., 2005. – 20 October. – P. 71.
32. Russia and the Chechnya: A gaping hole // The Economist. – L., 2004. – 13 May. – P. 71.
33. Russia and the Chechnya: A poll that will solve nothing // The Economist. – L., 2004. – 26 August. – P. 19.
34. Russia and the Chechnya: The warlord and the spook // The Economist. – L., 2007. – 31 May. – P. 28.
35. Russia and the Litvinenko case: Learning from the cold war // The Economist. – L., 2007. – 19 July. – P. 67.
36. Russia and the West: Russia deserves pity as well as fear // The Economist. – L., 2006. – 30 November. – P. 13-14.
37. Russia and the West: Victory Day remembered // The Economist. – L., 2005. – 5 May. – P. 11.
38. Russia and the world: Talk, don't shout // The Economist. – L., 2007. – 15 February. – P. 12-13.
39. Russia and Ukraine: Making up is hard to do // The Economist. – L., 2005. – 17 March. – P. 67.
40. Russian oil: Oil's well that ends well // The Economist. – L., 2005. – 29 September. – P. 99.
41. Russian poisonings: Abandon hope // The Economist. – L., 2006. – 23 November. – P. 67.
42. Russian politics: Vladimir who? // The Economist. – L., 2006. – 9 February. – P. 83-84.
43. Russian politics: Wishing on a tsar // The Economist. – L., 2006. – 26 October. – P. 67-68.
44. Russia's foreign relations: Friends in need // The Economist. – L., 2006. – 30 November. – P. 68.
45. Russia's hot sports: Caucasian dominoes // The Economist. – L., 2005. – 13 October. – P. 90-91.
46. Russia's oligarch wars: Face-off // The Economist. – L., 2003. – 6 November. – P. 98.
47. Russia's oligarch wars: The Trial of K // The Economist. – L., 2003. – 30 October. – P. 95.

48. Russia's presidency: Enter Putin two // *The Economist*. - L., 2007. - 13 December. - P. 75.
49. Russia's president: Vladimir III? // *The Economist*. - L., 2004. - 9 December. - P. 65-66.
50. Russia's Yukos: An over-played hand // *The Economist*. - L., 2004. - 8 July. - P. 98.
51. Russia's Yukos affair: The beginning of the endgame // *The Economist*. - L., 2004. - 15 June. - P. 98.
52. Terror in Russia: No end to it // *The Economist*. - L., 2004. - 2 September. - P. 71-72.
53. The G8 summit: Living with a strong Russia // *The Economist*. - L., 2006. - 13 July. - P. 8-9.
54. The Khodorkovsky case: The tycoon and the president // *The Economist*. - L., 2005. - 19 May. - P. 23-24.
55. The Kremlin and business: KGB Inc // *The Economist*. - L., 2005. - 20 January. - P. 141.
56. The Litvinenko affair: Murder most opaque // *The Economist*. - L., 2006. - 13 December. - P. 24.
57. The other big election: Watch Ukraine // *The Economist*. - L., 2004. - 28 October. - P. 24.
58. Ukraine: In search of plan B // *The Economist*. - L., 2004. - 4 December. - P. 68.
59. Ukraine's election: Russian roulette // *The Economist*. - L., 2004. - 14 December. - P. 63.
60. Ukraine's election: The two Victors // *The Economist*. - L., 2004. - 25 November. - P. 65.
61. Ukraine's neighbours: A region transfixed // *The Economist*. - L., 2004. - 27 November. - P. 64.
62. Vladimir Putin's Russia: Don't mess with Russia // *The Economist*. - L., 2006. - 13 December. - P. 9-10.
63. Vlad the unpredictable // *The Economist*. - L., 2004. - 25 February. - P. 31.
64. Yukos, Putin and the oligarchs: Method and madness // *The Economist*. - L., 2004. - 29 December. - P. 111-112.